

шедшей книге. Объяснить появление «Морица» в двойном виде в один и тот же год можно коммерческими соображениями: в качестве занимательного чтения «Мориц, или Жертва мщения» мог скорее рассчитывать на успех, чем весь сборник.

Атрибуция Сопикова и Геннади произведена ими, следовательно, без просмотра состава сборника «Плоды уединения» — последний его номер никак нельзя приписывать кому-либо, кроме Гнедича, тем самым неточна и атрибуция всего сборника в целом Михаилу Дмитриевскому.

Невыясненными остаются первые тринадцать номеров «Плодов уединения» — принадлежит ли они одному автору, будь то М. Дмитриевский или Гнедич, или же им обоим, и, поскольку нас интересует именно Гнедич, возможно ли определить долю участия Гнедича в остальном составе сборника, кроме «Морица»? Свидетельств об этом у нас нет, здесь надо руководствоваться внутренними признаками этих тринадцати пьес (мы прибегаем к старинному словоупотреблению, так как для большинства из них термин «произведение» был бы слишком громким). Их тематику и стиль следует сопоставить с творчеством юного Гнедича, прежде всего с его «Морицом», и со всем тем, что нам известно о ходе его литературного развития.

Присматриваясь к последовательности всех 14 номеров, составляющих сборник «Плоды уединения», можно заметить замысел в их расположении: сборник распадается на два цикла, построенных по одному и тому же плану: каждый цикл начинается с мелких прозаических статей (№№ 1—5 в первом цикле, №№ 8—10 — во втором), затем идет стихотворение (№ 6 в первом цикле, № 11 — во втором), а за ним — пьеса для театра (№ 7 в первом цикле, № 13 — во втором). Симметричность нарушена только вставкой прозаического отрывка № 12 перед пьесой второго цикла. Весь первый цикл проще и менее патетичен, чем второй.

Содержание №№ 1—5: Гимн добродетели (с французского); О богатстве; Чувства кающегося грешника; Весеннее утро; Соловей — все это не более как повторение общих мест литературы. В том же роде и №№ 8, 9, 10 и 12: Кладбище; О великодушии (смерть Сократа); Отрывок «Несчастливая любовь»; Пример храбрости (междоусобная война в Италии). Из этих пьес наиболее беллетристичен отрывок «Несчастливая любовь», безвкусно и беспомощно примыкающий к становившемуся тогда модным течению литературы ужасов; так, например, герой отрывка, «чувствуя жажду, с поспешностью схватывает кувшин, в котором было немного молока... Несчастный! он выпил яд, ибо тарантул, упавший в кувшин, лопнул». К слову «тарантул» дается примечание: «большой ядовитый паук». В этом же отрывке встречаются выражения, свойственные юношеским, «готическим» романам Гнедича («Мориц» и «Дон-Коррадо»): «Га! я слышу хрипение умирающего... Га! кто? кто так страшно воет? ... Вижу пламенный меч.